

#YOUNG
FANTASY

ДЖУЛИ СИ ДАО
ЛЕС
ТЫСЯЧИ
ФОНАРИКОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
Д19

Julie C. Dao
FOREST OF A THOUSAND LANTERNS

*This edition published by arrangement
with Philomel Books,
an imprint of Penguin Young Readers Group,
a division of Penguin Random House LLC.*

Художественное оформление *Екатерины Климовой*
Перевод с английского *А.Т. Лифшиц*

Дао, Джули Си.
Д19 Лес тысячи фонариков: [роман] / Джули Си Дао;
пер. с англ. А.Т. Лифшиц. — Москва: Издательство АСТ,
2018. — 480 с. — (#YoungFantasy).

ISBN 978-5-17-109342-6

Сифэн молода и прекрасна. Однако она всего лишь бедная крестьянская девушка, а может стать властительницей мира – если прибегнет к темной магии и принесет в жертву свою любовь. Но стоит ли трон такой расплаты?

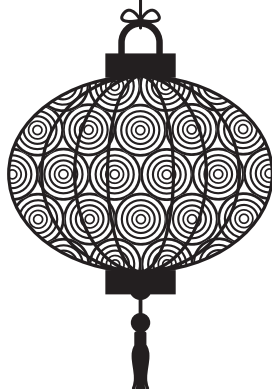
**УДК 821.111-3(73)
ББК 84(7Coe)-44**

ISBN 978-5-17-109342-6

Copyright © 2017 by Julie C. Dao
All rights reserved including the right of
reproduction in whole or in part in any form.
© А. Т. Лифшиц, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2018

Маме.

*Посвящаю тебе свою первую книгу,
с благодарностью за твою любовь и поддержку*

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ДЕРЕВНЯ

Сифэн

Гума, тетка Сифэн

Минчжу, мать Сифэн

Хоу, фамилия семьи Сифэн

Вэй, возлюбленный Сифэн

Нин, помощница в доме Гумы и Сифэн

ПУТЕШЕСТВИЯ

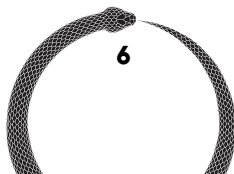
Сиро, посланник Камацу

Хидэки, солдат из Камацу

Исао, солдат из Камацу

Королева Тэнгару

Акира, женщина-врач

ДВОРЕЦ

ЧЛЕНЫ ИМПЕРАТОРСКОЙ СЕМЬИ

ИМПЕРАТОР ЦЗЮНЬ, правитель Фэн Лу, второй муж Императрицы Лихуа

ИМПЕРАТРИЦА ЛИХУА, супруга Императора Фэн Лу

НАСЛЕДНЫЙ ПРИНЦ, старший сын Императрицы Лихуа, командующий Императорской армией

ВТОРОЙ ПРИНЦ, средний сын Императрицы Лихуа, порывистый и храбрый воин

ТРЕТИЙ ПРИНЦ, младший сын Императрицы Лихуа, слабый и болезненный юноша

ПРИДВОРНЫЕ ДАМЫ И НАЛОЖНИЦЫ

МАДАМ ХУН, фрейлина Императрицы Лихуа

ГОСПОЖА СУНЬ, любимая наложница Императора

ГОСПОЖА МАН, бездетная наложница

ЕВНУХИ

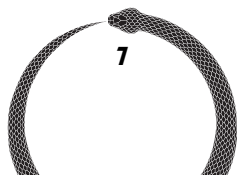
ГОСПОДИН ЮЙ, главный евнух Императорского Дворца

КАН, евнух, преданный друг Сифэн

ПРОЧИЕ ПЕРСОНАЖИ

БОХАЙ, императорский лекарь

КОЙЧИ, сын Сиро

ЦАРСТВО ПОВЕЛИТЕЛЯ ДРАКОНОВ

Фэн Лу, континент

ЦАРЬ ДРАКОНОВ/ВЛАДЫКА ЛЕСА

Подвластная территория: Царство Великого Ле-
са

Стихия: Дерево

ВЛАДЫКА МОРЯ

Подвластная территория: Царство Безбрежного
Моря/Камацу

Стихия: Вода

ВЛАДЫКА ПУСТЫНИ

Подвластная территория: Царство Зыбучих Пе-
сков/Сурджалана

Стихия: Огонь

ВЛАДЫКА ЧЕТЫРЕХ ВЕТРОВ

Подвластная территория: Царство Четырех Ве-
тров/Даговад

Стихия: Металл

ВЛАДЫКА СТЕПИ

Подвластная территория: Царство Священной
Степи

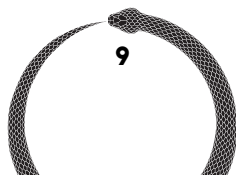
Стихия: Земля

Процессия растянулась вдоль вымощенной булыжником дороги — змея, состоящая из мужчин в красных и золотых одеждах: цвета Императора. Они вышагивали, не обращая внимания на разинутые рты городского люда, глазеющего на знамя с императорским гербом: дракон, обхвативший загнутым когтем изображение леса. Показались задрапированные алым шелком носилки, их тащили на плечах четверо слуг. Люди вытягивали шеи в попытке разглядеть ту, что находилась внутри, однако сквозь развевающие занавески лишь на мгновение мелькал и вновь исчезал дразнящий воображение образ: алые губы, золотые цветы в блестящих волосах и одеяния, стоившие столько, сколько ни один из них не смог бы заработать во весь свой век.

— Новый день — новая наложница, — сторбленная старуха обнажила немногие оставшиеся у нее во рту зубы.

— Похоже, у него есть аппетит на хорошеньких деревенских девчонок. Да будут благословенны его дни, — добавила она поспешно, на случай, если ка-

кой-нибудь солдат услышит, как она осуждает своего господина.

— Император не должен придавать значение происхождению, когда речь идет о красоте, — согласилась находившаяся поблизости женщина, которая выглядела моложе первой, но имела столь же согнутую спину. Всем своим весом она опиралась на здоровую ногу, в то время как ее вторая, скрюченная нога безжизненно висела наподобие высохшей ветки дерева. Женщина перевела проницательный взгляд с процессии на стоящую рядом с ней девушку.

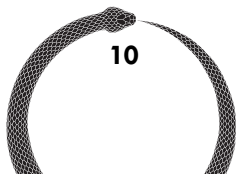
Впрочем, она была не единственной, кто смотрел на девушку. Сразу несколько марширующих мимо них солдат останавливали на ней свои восхищенные взгляды.

Одежда девушки была такой же выцветшей и ветхой, как и у окружающих ее людей. Однако лицо ее было так прекрасно, словно она сошла с картины: совершенный овал, похожие на лепестки лотоса губы и хорошенький прямой носик. На вид она была само послушание и невинность, но во взгляде, живом и умном, читался совсем иной характер. Казалось, сияние ее глаз будет заметным даже в темноте.

— Он не должен придавать значения, — повторила женщина. — Что ты на это скажешь, Сифэн?

— Я желаю счастья Императору, Гума. Она, должно быть, особенная, раз Император выбрал ее для себя, — почтительно ответила девушка, но ее блестящие черные глаза при этом загорелись.

Во дворце рабы омоют ступни юной наложницы в воде с лепестками цветов апельсина. Каждая складочка ее тела будет благоухать жасмином и, когда Император коснется губами нежной кожи, он ничего

не узнает о пережитых ею бедности и невзгодах, тех, которые, подобно поту, проступали на теле Сифэн.

— Она не более особенная, чем ты.

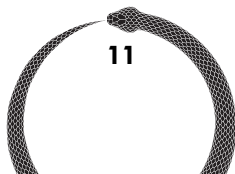
Слова Гумы не были продиктованы любовью: всего лишь констатация факта. Однако это были просто слова, вроде тех, что она повторяла годами. Шаркая, она придвинулась к Сифэн и подхватила ее под локоть своей птичьей лапкой.

— Пойдем. У *нее*, возможно, впереди шелка и богатство, ну а нам с тобой надо возвращаться к своим иголкам. Сегодня вечером опять погадаем на картах, — добавила она, вложив в свой голос всю нежность, на которую только была способна.

Сифэн знала, что подобные проблески доброты со стороны тетки в любой момент могут смениться мрачным настроением. Она склонила голову с выражением благодарной покорности, подхватила корзину со скудными покупками, и пара побрела домой.

Они жили неподалеку от центра городка, впрочем, для обозначения покрытой грязью площади слово «центр» казалось чересчур пышным. Здесь крестьяне в лохмотьях и беззубые старухи высматривали убогие товары, знававшие лучшие времена: червивые овощи, треснутую посуду, тупые ножи и дешевую рогожную ткань.

Накануне ночью прошел дождь; ранний весенний ливень был, несомненно, полезен для посевов риса и прочих злаков, но он же оставил после себя потоки жидкой грязи и мусора. Несколько тощих цыплят носились по полю, отмечая свой маршрут следами жидкого помета; из сырой хижины выглянула женщина и стала визгливо кричать на это неуправляемое отродье.

Случались дни, когда Сифэн хотелось, чтобы опостылевший городок сгорел дотла. Она жаждала оставить его навсегда и никогда не вспоминать. Больно было даже думать, что она может застрять тут до конца своих дней, в то время как императорский паланкин уносит ту, другую, девушку прямо в устланную лебяжьими перинами императорскую постель.

Почувствовав на себе зоркий взгляд Гумы, девушка тут же придала своему лицу безразличное выражение. Покажи она, что несчастлива, тетка воспримет это как черную неблагодарность в ответ на все принесенные ею жертвы. И впрямь, Гума вовсе не обязана была брать на воспитание незаконнорожденную дочь своей сестры, покрывшей позором доброе имя семьи и покончившей жизнь самоубийством. А еще, хотя Сифэн и исполнилось уже восемнадцать, она знала, что при малейшем знаке недовольства с ее стороны ее тут же наградят дюжиной ударов бамбуковой палкой. Она внутренне вздрогнула, подумав о шрамах у себя на спине, которые только сейчас начали заживать.

И тут появился он, шедший им навстречу, как будто ее мысли магическим образом вызвали его.

Вэй. Из-за него она и заработала эти шрамы.

Его гордо посаженная бритая голова была повернута в сторону, он загляделся на ссору хозяина таверны с постояльцем на противоположной стороне улицы. В профиль черты его лица казались более резкими, воинственными и прекрасными; он продирался сквозь толпу, и мужчины уступали ему дорогу. Мощные бычьи плечи, бугрящиеся мышцы на обнаженных руках и свирепый взгляд делали его живым воплощением бога войны. Но эти огромные, могучие руки, в которых сейчас он нес охапку ржавых мечей,

нуждавшихся в починке, — о, Сифэн знала, какими нежными они могут быть! Ее кожа помнила их прикосновение, и девушке пришлось приложить усилия, чтобы не выдать охватившую ее при этом воспоминании дрожь, поскольку Гума по-прежнему не сводила с нее пронизательных глаз.

— Что бы вы хотели сегодня на ужин? — голос Сифэн был ровным, словно она вовсе не была знакома с приближающимся к ним мужчиной.

Вэй повернул голову. Теперь он их заметил, и от этого по телу девушки пробежали мурашки. Она замерла: вдруг он сейчас скажет что-нибудь?

Ему казалось, что раз он физически сильнее Гумы, то в состоянии одержать над ней победу и освободить Сифэн из-под ее власти. На самом же деле сила бывает разных сортов, и вовсе не в их интересах было сердить Гуму: неизвестно, кто вышел бы победителем.

Сифэн погладила напрягшуюся руку тетки, стараясь изобразить свою к ней безграничную привязанность.

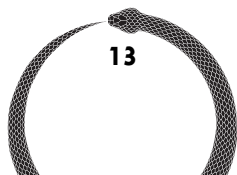
— Хотите, я сварю суп из этих креветок? Или, может, лучше пожарить репу?

Напряжение спало. Вэй прошел мимо, не произнеся ни звука. Сифэн подавила вздох облегчения, отложив его до того момента, когда она наконец останется одна в кухне.

— Приготовь креветки, — невозмутимо сказала Гума, — а то они вот-вот испортятся.

Спустя несколько минут они были уже дома.

Когда-то весь этот дом с красивым фасадом из темного дуба и массивными воротами с вырезанным на них изображением взлетающего феникса принадлежал деду и бабке Сифэн. До войны они держали

процветающую портняжную мастерскую; в этом доме выросли Гума и ее младшая сестра Минчжу. Правда, для Сифэн было легче вообразить прошлое великолепие этих обветшалых стен, нежели представить то время, когда Гума была ребенком.

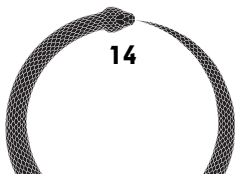
Несмотря на убогое состояние дома, им удалось сдать нижний этаж некой супружеской паре под чайную. Гума и Сифэн жили на продуваемых сквозняком верхних этажах вместе с Нин — девчонкой, нанятой для помощи в их ремесле, вышивке и шитье. Нин ждала их у ворот, и, хотя ей было всего пятнадцать, взгляд, которым эта тощая пигалица проводила удалявшуюся крепкую спину Вэя, был совершенно взрослый и женский. Сифэн не раз замечала, как Нин глазела на него, но никогда еще во взгляде девочки не читалось такого необузданного и страстного желания. Она почти физически ощущала исходившую от Нин волну вожделения.

В глубине души Сифэн чувствовала прилив растущего гнева.

Однако прежде, чем она смогла как-либо выразить переполнявшую ее ярость, Гума высвободила свою руку и наградила Нин увесистой пощечиной.

— Ты почему здесь болтаешься? Я тебе плачу не затем, чтобы ты тут прохлаждалась и глазки строила! — вопила она, в то время как девица, шмыгая носом, терла покрасневшую щеку. — Живо наверх!

Прежде чем выполнить приказ, Нин перевела заплаканные глаза на Сифэн, но та, хоть ее и кольнула мгновенная жалость, промолчала. Она знала, что на самом деле пощечина предназначалась *для нее самой*, но, поскольку девушке удалось глубоко запрятать свои чувства, Гуме пришлось сорвать гнев, переполнявший

ее, как пар переполняет кипящий чайник, на служанке. Сифэн провожала взглядом уныло карабкавшуюся вверх по лестнице Нин со смешанным чувством жалости и удовлетворения: девица не имела никакого права претендовать на Вэя и получила по заслугам.

Тем не менее успокаиваться было рано. Гума вновь схватила Сифэн за руку, да так крепко, что едва не оставила синяк. Лицо ее сморщилось наподобие сушеной груши, что заставило ее выглядеть старше своих сорока лет.

— Не воображай, пожалуйста, будто я не знаю, что у тебя на его счет те же планы, — прошипела она, обдавая Сифэн кислым дыханием. — Не думай, что мне неизвестно, куда ты бегаешь тайком, сколько тебя ни лупи.

Сифэн стояла с опущенными глазами, прикусив щеку от боли, которую ей причиняли вцепившиеся в руку ногти Гумы, а в душе у нее клокотала ненависть. Как бы тяжело она ни трудилась, как бы послушно себя ни вела, в ответ ей доставались лишь презрение да побои.

— Неужто ты не понимаешь, что он тебя не достоин? Ты заслуживаешь лучшего! — и, хотя одной рукой тетка по-прежнему цепко держала Сифэн за локоть, другой она нежно погладила ее по щеке.

Этот простой материнский жест мгновенно растопил всю ненависть. Сифэн прильнула щекой к теткиной руке, позабыв о боли.

— Ну а теперь иди помоги мне наверху, дитя.

Даже сейчас уже выросшей Сифэн верхняя часть дома, как и в детстве, представлялась бесконечным лабиринтом. Каждое помещение когда-то имело определенное предназначение. Сухие цветы по-прежнему

